

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Стихотворения
Поэмы

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Е82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников
Александра Вахrameева и Исаака Левитана

Есенин, Сергей Александрович.
Е82 Стихотворения; Поэмы / Сергей Есенин. —
Москва : Эксмо, 2023. — 368 с. — (Библиотека всемир-
ной литературы).

ISBN 978-5-04-185788-2

«...земля русская не производила ничего более коренного, естественно уместного и родового, чем Сергей Есенин...» — писал Борис Пастернак. Белокурый красавец, кутила, любимец женщин был щедро одарен природой; поэзия Есенина отличалась особой музыкальностью и тонким лиризмом, его талант лишь совершенствовался с годами. Но судьба отпустила Сергею Александровичу недолгий срок — в тридцать лет он ушел из жизни, оставив после себя стихотворения, ставшие подлинно народными. Помимо стихотворений и поэм Есенина, в настоящее издание вошла автобиография поэта и статья Максима Горького, вспоминавшего, что Сергей Есенин был «не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-185788-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Содержание

Сергей Есенин. <i>М. Горький</i>	13
Автобиография	19

ЛИРИКА

«Вот уж вечер. Роса блестит на крапиве...»	22
«Там, где капустные грядки...»	22
Калики	23
«Поет зима — аукает...»	23
«Выткался на озере алый свет зари...»	24
«Сыплет черемуха снегом...»	24
Подражание песне	25
«Дымом половодье зализало ил...»	25
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	26
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	26
«Матушка в купальницу по лесу ходила...»	26
Береза	27
«На небесном синем блюде...»	27
Пороша	28
С добрым утром!	28
«Зашумели над затоном тростники...»	29
В хате	29
«Край любимый! Сердцу снятся...»	30
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	30
«Я — пастух, мои палаты...»	31
«Черная, потом пропахшая выть!..»	32
«Гой ты, Русь, моя родная...»	32
«Сторона ль моя, сторонка...»	33
«Край ты мой заброшенный...»	33
«Топи да болота...»	34
Осень	34
«Заглушила засуха засевки...»	35
«По селу тропинкой кривенькой...»	36
«Не ветры осыпают пуши...»	37
«Шел Господь пытатъ людей в любви...»	37
«Троицыно утро, утренний канон...»	38
«Сохнет стаявшая глина...»	38
«Чую радуницу Божью...»	38

«По дороге идут богомолки...»	39
«На плетнях висят баранки...»	40
«Туча кружево в роще связала...»	40
«За темной прядью перелесиц...»	41
Корова	41
Песнь о собаке	42
«В том краю, где желтая крапива...»	43
«Алый мрак в небесной черни...»	44
«Гаснут красные крылья заката...»	44
«Запели тесанные дроги...»	45
«Устал я жить в родном краю...»	46
«День ушел, убавилась черта...»	46
«Прячет месяц за овинами...»	47
Голубень	47
«Даль подернулась туманом...»	49
«Я снова здесь, в семье родной...»	50
Лисица	50
«За горами, за желтыми долами...»	51
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	51
«Опять раскинулся узорно...»	52
«О красном вечере задумалась дорога...»	53
«О товарищах веселых, о полях посеребренных...»	53
«Весна на радость не похожа...»	54
«Прощай, родная пуща...»	55
«Покраснела рябина, посинела вода...»	55
«Там, где вечно дремлет тайна...»	56
«О край дождей и непогоды...»	56
«Синее небо, цветная дуга...»	57
«То не тучи бродят за овином...»	57
«Ночь и поле, и крик петухов...»	58
«Твой глас незримый, как дым в избе...»	59
Пропавший месяц	59
«Колокольчик среброзвонный...»	60
«Где ты, где ты, отчий дом...»	61
«Песни, песни, о чем вы кричите?...»	61
«Не напрасно дули ветры...»	62
«Отвори мне, страж заоблачный...»	63
«Нивы сжаты, рощи голы...»	63
«Я по первому снегу бреду...»	63
«О пашни, пашни, пашни...»	64
«О Матерь Божья, спади звездой...»	64
«Тучи с ожерёба ржут, как сто кобыл...»	65
«Гляну в поле, гляну в небо...»	66
«О Русь, взмахни крылами...»	66

«О муза, друг мой гибкий...»	68
«Разбуди меня завтра рано...»	69
«Теперь любовь моя не та...»	69
«Зеленая прическа, девическая грудь...»	70
«Вот оно, глупое счастье...»	71
«Я покинул родимый дом...»	71
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	72
«Закружилась листва золотая...»	72
Хулиган.	73
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	74
«Душа грустит о небесах...»	74
«Я последний поэт деревни...»	75
«По-осеннему кычет сова...»	75
Исповедь хулигана	76
«Сторона ль ты моя, сторона!...»	78
«Мир таинственный, мир мой древний...»	79
Песнь о хлебе	80
«Не жалею, не зову, не плачу...»	81
«Все живое особой метой...»	82
«Не ругайтесь! Такое дело!...»	82
«Я обманывать себя не стану...»	83
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	84
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»	85
«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»	86
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»	86
Прощание с Мариенгофом	88
«Мне осталась одна забава...»	88
«Я усталым таким еще не был...»	89
«Заметался пожар голубой...»	90
«Ты такая ж простая, как все...»	91
«Пускай ты выпита другим...»	92
«Дорогая, сядем рядом...»	93
«Мне грустно на тебя смотреть...»	94
«Ты прохладой меня не мучай...»	94
«Вечер черные брови насупил...»	95
«Эта улица мне знакома...»	96
Папиросники	97
Пушкину.	98
Сукин сын	99
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	100
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	100
«Издатель славный! В этой книге...»	101
Возвращение на родину	102
Русь советская	105

Русь уходящая.....	107
«Еще закон не отвердел...».....	110
Стансы.....	111
Поэтам Грузии.....	113
На Кавказе.....	115
Письмо матери.....	117
Письмо к женщине.....	118
«Мы теперь уходим понемногу...».....	121
«Годы молодые с забубенной славой...».....	122
«Отговорила роща золотая...».....	122

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

«Улеглась моя былая рана...».....	124
«Я спросил сегодня у менялы...».....	125
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...».....	125
«Ты сказала, что Саади...».....	126
«Никогда я не был на Босфоре...».....	127
«Свет вечерний шафранного края...».....	128
«Воздух прозрачный и синий...».....	128
«Золото холодное луны...».....	129
«В Хороссане есть такие двери...».....	130
«Голубая родина Фирдуси...».....	131
«Быть поэтом — это значит то же...».....	131
«Руки милой — пара лебедей...».....	132
«Отчего луна так светит тускло...».....	133
«Глупое сердце, не беися!...».....	134
«Голубая да веселая страна...».....	134
«Море голосов воробьиных...».....	135

СТИХОТВОРЕНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ГОДА

«Несказанное, синее, нежное...».....	137
«Заря окликает другую...».....	138
«Синий май. Заревая теплынь...».....	138
«Не вернусь я в отчий дом...».....	139
«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...».....	140
«Спит ковыль. Равнина дорогая...».....	140
«Вижу сон. Дорога черная...».....	141
«Каждый труд благослови, удача!...».....	142
«Видно, так заведено навеки...».....	142
«Я иду долиной. На затылке кепи...».....	143
«Гори, звезда моя, не падай...».....	144
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...».....	145

«Листья падают, листья падают...»	146
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	147
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..»	147
«Я красивых таких не видел...»	147
«Ах, как много на свете кошек...»	148
«В этом мире я только прохожий...»	149
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	149
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	150
«Мелколесье. Степь и дали...»	151
«Снежная замать дробится и колется...»	152
«Синий туман. Снеговое раздолье...»	153
Песня	153
«Я помню, любимая, помню...»	154
Собаке Качалова	155
«Ну, целуй меня, целуй...»	155
«Слышишь — мчатся сани...»	156
«Голубая кофта. Синие глаза...»	157
«Снежная замать крутит бойко...»	157
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	157
«Вечером синим, вечером лунным...»	157
«Не криви улыбку, руки теребя...»	158
«Снежная равнина, белая луна...»	158
«Сочинитель бедный, это ты ли...»	158
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	158
«Цветы мне говорят — прощай...»	159
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	160
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»	160
«Какая ночь! Я не могу...»	161
«Не гляди на меня с упреком...»	162
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	162
«Может, поздно, может, слишком рано...»	163
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	164

СТИХОТВОРЕНИЯ 1910–1925, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

Поэт.	165
И.Д. Рудинскому	165
Звезды.	166
Воспоминание	167
Моя жизнь	167
Что прошло — не вернуть.	168
Ночь.	169
Восход солнца	169

К покойнику	170
Зима	170
Песня старика разбойника	171

БОЛЬНЫЕ ДУМЫ

«Нет сил ни петь и ни рыдать...»	172
«Я ль виноват, что я поэт...»	172
Думы	172
Звуки печали	173
Слезы	173
«Не видать за туманною далью...»	174
Вьюга на 26 апреля 1912 г.	174
Пребывание в школе	175
Далекая весела песня	175
Мои мечты	176
Брату человеку	176
«Я зажег свой костер...»	177
Деревенская избенка	177
Отойди от окна	178
Весенний вечер	178
«И надо мной звезда горит...»	179
Ночь	179
Поэт	179
Капли	180
«Ты плакала в вечерней тишине...»	180
«Грустно... Душевные муки...»	181
У могилы	181
Село	182
«Колокол дремавший разбудил поля...»	182
Кузнец	183
Егорий	183
Молитва матери	185
Богатырский посвист	185
Сиротка	186
Что это такое?	190
Узоры	190
Бельгия	191
Ямщик	191
«На небесном синем блюде...»	192
Буря	192
«Ты ушла и ко мне не вернешься...»	193
Удалец	193
Сонет	194
Чары	194

Черемуха	195
«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...»	195
Побирушка	196
Польша	196
Греция	196
Девичник	197
«На лазоревые ткани...»	197
«Я странник убогий...»	198
Бабушкины сказки	199
Плясунья	199
«Тебе одной плету венок...»	200
«Занеслися залетною пташкой...»	200
Колдунья	201
Русалка под Новый год	201
Поминки	202
Дед	202
«Белая свитка и алый кушак...»	203
«Наша вера не погасла...»	203
«Вечер, как сажал...»	204
«По лесу леший кричит на сову...»	204
«За рекой горят огни...»	205
Молотьба	205
«Скупались звезды в невидимом бреде...»	206
«Не в моего ты бога верила...»	206
«Закружилась пряжа снежистого льна...»	207
Нищий с паперти	207
«Месяц рогом облако бодает...»	208
«Еще не высох дождь вчерашний...»	208
«В зеленой церкви за горой...»	209
«Небо сметаной обмазано...»	209
Исус-младенец	210
«Без шапки, с лыковой котомкой...»	212
Мечта	213
Что прошло — не вернуть	215
«Снег, словно мед ноздреватый...»	215
Лебедушка	216
«К теплomu свету, на отчий порог...»	219
«Есть светлая радость под сенью кустов...»	219
«Не от холода рябинушка дрожит...»	220
«Заря над полем — как красный тын...»	221
«Небо ли такое белое...»	221
Разбойник	222
«Свищет ветер под крутым забором...»	222
О родина!	223

«Пушистый звон и руга...»	224
Королева	224
Сельский часослов	225
«И небо и земля все те же...»	228
«Не стану никакую я девушку ласкать...»	228
Кантата	229
«Заметает пурга белый путь...»	230
«Грубым дается радость...»	230
«Цветы на подоконнике...»	231
Памяти Брюсова	232
Цветы	233
Батум	236
Капитан земли	239
Воспоминание	241
«Неуютная жидкая лунность...»	242
«Тихий вечер. Вечер сине-хмурый...»	242

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

Русь	244
Инония	247
Пантократор	252
Кобыльи корабли	254
Сорокоуст	257
Мой путь	259

ПОЭМЫ

Пугачев	265
Анна Снегина	295
Черный человек	316
Страна негодяев	320

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

В седьмом или восьмом году, на Капри, Стефан Жеромский рассказал мне и болгарскому писателю Петко Тодорову историю о мальчике, жмудине или мазуре, крестьянине, который каким-то случаем попал в Краков и заплутался в нем. Он долго кружился по улицам города и все не мог выбраться на простор поля, привычный ему. А когда наконец почувствовал, что город не хочет выпустить его, встал на колени, помолился и прыгнул с моста в Вислу, надеясь, что уж река вынесет его на желанный простор. Утонуть ему не дали, он помер оттого, что разбился.

Незатейливый рассказ этот напоминал мне смерть Сергея Есенина. Впервые я увидел Есенина в Петербурге в 1914 году, где-то встретил его вместе с Клюевым. Он показался мне мальчиком 15–17 лет. Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддевке и сапогах с набором, он очень напомнил слащавенькие открытки Самокиш-Судковской, изображавшей боярских детей, всех с одним и тем же лицом. Было лето, душная ночь, мы, трое, шли сначала по Бассейной, потом через Симеоновский мост, постояли на мосту, глядя в черную воду. Не помню, о чем говорили, вероятно, о войне; она уже началась. Есенин вызвал у меня неяркое впечатление скромного и несколько растерявшегося мальчика, который сам чувствует, что не место ему в огромном Петербурге.

Такие чистенькие мальчики — жильцы тихих городов, Калуги, Орла, Рязани, Симбирска, Тамбова. Там видишь их приказчиками в торговых рядах, подмастерьями столяров, танцорами и певцами в трактирных хорах, а в самой лучшей позиции — детьми небогатых купцов, сторонников «древлего благочестия».

Позднее, когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик, с которым я стоял ночью, на Симеоновском, и видел, как он, сквозь зубы, плюет на черный бархат реки, стиснутой гранитом.

Через шесть-семь лет я увидел Есенина в Берлине, в квартире А. Н. Толстого. От кудрявого, игрушечного мальчика остались

только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и пренебрежительно, то вдруг неуверенно, смущенно и недоверчиво. Мне показалось, что в общем он настроен недружелюбно к людям. И было видно, что он — человек пьющий. Веки опухли, белки глаз воспалены, кожа на лице и шее — серая, поблекла, как у человека, который мало бывает на воздухе и плохо спит. А руки его беспокойны и в кистях размотаны, точно у барабанщика. Да и весь он встревожен, рассеян, как человек, который забыл что-то важное и даже неясно помнит — что именно забыто им?

Его сопровождали Айседора Дункан и Кусиков.

— Тоже поэт, — сказал о нем Есенин, тихо и с хрипотой.

Около Есенина Кусиков, весьма развязный молодой человек, показался мне лишним. Он был вооружен гитарой, любимым инструментом парикмахеров, но, кажется, не умел играть на ней. Дункан я видел на сцене за несколько лет до этой встречи, когда о ней писали как о чуде, а один журналист удивительно сказал: «Ее гениальное тело сжигает нас пламенем славы».

Но я не люблю, не понимаю пляски от разума, и не понравилось мне, как эта женщина металась по сцене. Помню — было даже грустно, казалось, что ей смертельно холодно и она, полуодетая, бежит, чтоб согреться, выскользнуть из холода.

У Толстого она тоже плясала, предварительно покушав и выпив водки. Пляска изображала как будто борьбу тяжести возраста Дункан с насилием ее тела, избалованного славой и любовью. За этими словами не скрыто ничего обидного для женщины, они говорят только о проклятии старости.

Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая ко груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка.

Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом, являлась совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно. Тут нет ничего предвзятого, придуманного вот сейчас; нет, я говорю о впечатлении того тяжелого дня, когда, глядя на эту женщину, я думал: как может она почувствовать смысл таких вздохов поэта:

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать!

Что могут сказать ей такие горестные его усмешки:

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Разговаривал Есенин с Дункан жестами, толчками колен и локтей. Когда она плясала, он, сидя за столом, пил вино и краем глаза посматривал на нее, морщился. Может быть, именно в эти минуты у него сложились в строку стиха слова сострадания:

Излюбили тебя, измызгали...

И можно было подумать, что он смотрит на свою подругу как на кошмар, который уже привычен, не пугает, но все-таки давит. Несколько раз он встряхнул головой, как лысый человек, когда кожу его черепа щекочет муха.

Потом Дункан, утомленная, припала на колени, глядя в лицо поэта с вялой, нетрезвой улыбкой. Есенин положил руку на плечо ей, но резко отвернулся. И снова мне думается: не в эту ли минуту вспыхнули в нем и жестоко и жалостно отчаянные слова:

Что ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?
...Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!
Что ты? Смерть?

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слез. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренно, с невероятной силой прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

Я хочу видеть этого человека!

И великолепно был передан страх:

Где он? Где? Неужель его нет?

Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное ему лицо. И вообще все: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, катающийся корпус, тоской горящие глаза — все было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час.

Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачева, трижды повторенный:

Вы с ума сошли?

Громко и гневно, затем тише, но еще горячее:

Вы с ума сошли?

И наконец совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

Вы с ума сошли?

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

Неужели под душой так же падаешь, как под ношею?

И, после коротенькой паузы, вздохнул, безнадежно, прощально:

Дорогие мои...

Хорошие...

Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — думаю — и не нуждался в них.

Я попросил его прочитать о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят.

— Если вы не устали...

— Я не устаю от стихов, — сказал он и недоверчиво спросил: — А вам нравится о собаке?

Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье, — молвил Есенин задумчиво и тихо, а на мой вопрос, знает ли он «Рай животных» Клоделя, не ответил, пощупал голову обеими руками и начал читать «Песнь о собаке». И когда произнес последние строки:

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег, —

на его глазах тоже сверкнули слезы.

После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей»¹, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком. И еще более ощутима стала ненужность Кусикова с гитарой, Дункан с ее пляской, ненужность скучнейшего бранденбургского города Берлина, ненужность всего, что окружало своеобразно талантливого и законченно русского поэта.

А он как-то тревожно заскучал. Приласкав Дункан, как, вероятно, он ласкал рязанских девиц, похлопав ее по спине, он предложил поехать:

— Куда-нибудь в шум, — сказал он.

Решили: вечером ехать в Луна-парк.

Когда одевались в прихожей, Дункан стала нежно целовать мужчин.

— Очень хороши рошен, — растроганно говорила она. — Такой — ух! Не бывает...

Есенин грубо разыграл сцену ревности, шлепнул ее ладонью по спине, закричал:

— Не смей целовать чужих!

Мне подумалось, что он сделал это лишь для того, чтоб назвать окружающих людей чужими.

Безобразное великолепие Луна-парка оживило Есенина, он, посмеиваясь, бегал от одной диковины к другой, смотрел, как развлекаются почтенные немцы, стараясь попасть мячом в рот уродливой картонной маски, как упрямо они влезают по качающейся под ногами лестнице и тяжело падают на площадке, которая волнообразно вздымается. Было неисчислимо много столь же незатейливых развлечений, было много огней, и всюду усердно гремела честная немецкая музыка, которую можно бы назвать «музыкой для толстых».

— Настроили — много, а ведь ничего особенного не придумали, — сказал Есенин и сейчас же прибавил: — Я не хаю.

Затем, наскоро, заговорил, что глагол «хаять» лучше, чем «поприцать».

— Короткие слова всегда лучше многосложных, — сказал он.

Торопливость, с которой Есенин осматривал увеселения, была подозрительна и внушала мысль: человек хочет все видеть для

¹ Слова С.Н. Сергеева-Ценского. — *Прим. М. Горького.*

того, чтобы поскорей забыть. Остановясь перед круглым киоском, в котором вертелось и гудело что-то пестрое, он спросил меня неожиданно и тоже торопливо:

— Вы думаете, мои стихи — нужны? И вообще искусство, то есть поэзия — нужна?

Вопрос был уместен как нельзя больше — Луна-парк забавно живет и без Шиллера.

Но ответа на свой вопрос Есенин не стал ждать, предложив:

— Пойдемте вино пить.

На огромной террасе ресторана, густо усаженной веселыми людьми, он снова заскучал, стал рассеянным, капризным. Вино ему не понравилось:

— Кислое и пахнет жженым пером. Спросите красного, французского.

Но и красное он пил неохотно, как бы по обязанности. Минуты три сосредоточенно смотрел вдаль; там, высоко в воздухе, на фоне черных туч, шла женщина по канату, натянутому через пруд. Ее освещали бенгальским огнем, над нею и как будто вслед ей летели ракеты, угасая в тучах и отражаясь в воде пруда. Это было почти красиво, но Есенин пробормотал:

— Все хотят как страшнее. Впрочем, я люблю цирк. А — вы?

Он не вызывал впечатления человека забалованного, рисуящегося, нет, казалось, что он попал в это сомнительно веселое место по обязанности или из «приличия», как неверующие посещают церковь. Пришел и нетерпеливо ждет, скоро ли кончится служба, ничем не задевающая его души, служба чужому богу.

М. Горький

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1895 году 21 сентября в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губ. и Рязанского уез. Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна.

Детство провел у деда и бабки по матери в другой части села, которое наз. Матово.

Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, бог счастье даст».

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Микеле и о жемчуге, светлом госте из града неведомого.

Нянька — старуха приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети.

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю.

Уличная моя жизнь была непохожа на домашнюю. Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2–3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах, сначала замутив воду руками, или выводками утят.

После, когда я возвращался, мне частенько влетало.

В семье у нас был припадочный дядя, кроме бабки, деда и моей няньки.

Он меня очень любил, и мы часто ездили с ним на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов. Когда мне сравнялось 12 лет, меня отдали учиться из сельской земской

школы в учительскую школу. Родные хотели, чтоб из меня вышел сельский учитель. Надежды их простирались до института, к счастью моему, в который я не попал.

Стихи писать начал лет с 9, читать выучили в 5.

Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки. Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка. Это все, что я вынес.

Остальным занимался сам под руководством некоего Клеменова. Он познакомил меня с новой литературой и объяснил, почему нужно кое в чем бояться классиков. Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину.

В 1913 г. я поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. Пробыв там 1,5 года, должен был уехать обратно по материальным обстоятельствам в деревню.

В это время у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам. Приехал, отыскал Городецкого. Он встретил меня весьма радушно. Тогда на его квартире собирались почти все поэты. Обо мне заговорили, и меня начали печатать чуть ли не нарасхват.

Печатался я: «Русская мысль», «Жизнь для всех», «Ежемесячный журнал» Миролюбова, «Северные записки» и т.д. Это было весной 1915 г. А осенью этого же года Клюев мне прислал телеграмму в деревню и просил меня приехать к нему.

Он отыскал мне издателя М.В. Аверьянова, и через несколько месяцев вышла моя первая книга «Радуница». Вышла она в ноябре 1915 г. с пометкой 1916 г.

В первую пору моего пребывания в Петербурге мне часто приходилось встречаться с Блоком, с Ивановым-Разумником. Позднее с Андреем Белым.

Первый период революции встретил сочувственно, но больше стихийно, чем сознательно.

В 1917 году произошла моя первая женитьба на З.Н. Райх.

В 1918 году я с ней расстался, и после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918–21 гг. За эти годы я был в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках.

В 1921 г. я женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании.

После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому.

Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америки. Америка это тот